

Женская прялка — это оружие женщины, символ ее женской силы, так же как меч или копье для мужчины. Если помните, то греческая Афина держит в одной руке копье, а в другой — веретено. Ткацкое мастерство требует взаимодействия рук и разума. Чтобы сделать плотно, женщина вначале мысленно создает план того, что она хочет сделать, и лишь затем тщательно воспроизводит свой замысел — ряд за рядом, создавая ткань. Иными словами, прядение развивает у женщин такие качества, как предвидение, планирование, ремесленное мастерство и терпение. Потому неудивительно, что практически во всей мифологии именно пряжи создают судьбы мира. Прялка является тем же для Фригг, чем молот — для Тора или копье — для Одина. Пятница названа в честь богини Фригг и является женским днем. В этот день запрещено сучить пряжу, прасть, шить, вышивать, плести, вязать. Сны, увиденные утром в пятницу, считаются вещими.

— Потрясающе, сколько различных небесных чертов было в верованиях северных народов! Для павших мудрых воинов во имя славы и чести — Валгалла; для павших отчаянных и смелых молодых воинов и воительниц — Фолькванг; для любящих и верных супругов — Фенсалир, — по-своему резюмировала я услышанное.

— Да, у скандинавских народов был особый культ смерти. Они ее не боялись и стремились умереть молодыми, будучи уверенными, что попадут к своим богам. Они боялись умереть в постели от болезни или старости, потому что тогда их ждало царство Нидльхейм и Берег Мертвых, или преисподняя, что пряталось

в самой глубине земли. Там последний приют находили умершие от болезней и старости, а также злодеи, убийцы, обманщики, нарушители клятвы и слова, — начала развивать дальше тему нашего разговора моя новая знакомая.

— Чего у нас на Земле не хватает, так это воскрешения несчастных животных после поедания, и лучше бы — без негативных воспоминаний... — прервал Ларс наш разговор. — Мать, заморила ты нас совсем голодом. Предлагаю продолжить нашу беседу за столом, тем более что на ланч приготовлен замечательный датский рыбный суп. И кстати, про воскрешение рыб я что-то ничего не помню из мифологии, так что будем поглощать исключительно позитивный супчик. Ха-ха-ха, — рассмеялся Ларс и покатил кресло матери в столовую, показывая мне путь.

В небольшой, но уютной комнате с великолепным видом на озеро был накрыт стол на три персоны. Ларс придвинул кресло матери к столу, потом усадил меня.

— Разрешите мне взять на себя обязанности хозяйки и предложить вам, дорогие дамы, наш сегодняшний рыбный суп, — шуточно и несколько церемонно произнес Ларс, поднял крышку супницы и разлил по тарелкам ее густое золотисто-коричневатое содержимое.

Растекся аромат моря и рыбы. Суп мы поглощали с невероятным аппетитом, но медленно, смакуя каждую ложку. Повисло молчание.

— А теперь, дамы, я заберу ваши тарелки и принесу кофе с пирожными и фрукты, — продолжил исполнять взятые на себя обязанности Ларс, собрал тарелки и через несколько минут ввез кофейник с чашками и вазу с десертами на маленьком столике.

Мария, казалось, ничего не замечала вокруг и была очень задумчива, а может, просто дремала с закрытыми глазами после обеда, как это часто бывает с пожилыми людьми.

— Теперь, Софи, пришло мое время выполнить обещание и рассказать немного о своих походах по маршрутам викингов. До начала девяностых годов прошлого века все мои походы на воссозданном драккаре викингов проходили по западным маршрутам к берегам Нормандии, Великобритании и Исландии, поскольку этими маршрутами в основном ходили мои предки даны и норвеги, — начал свой рассказ Ларс, попивая кофе и внимательно поглядывая на мать.

— Модель драккара, что высится между двумя картинами богинь, это и есть ваш корабль, на котором вы совершали путешествия? — воскликнула я, обрадованная своей догадкой.

— И да и нет. В холле стоит реплика моего драккара, построенного специально для походов по восточным маршрутам викингов, — ответил Ларс. — Видите ли, дорогая гостья, когда распался Советский Союз и окончательно был разрушен железный занавес, мне наконец-то удалось договориться с представителями властей Латвии, Белоруссии и Украины об организации похода драккара из Риги, далее по Даугаве или Западной Двине, потом волоком в районе Орши до Днепра. Летом 1992 года состоялась моя первая попытка пройти этим маршрутом, закончившаяся полным фиаско... Мой корабль, так хорошо зарекомендовавший себя в западных походах, не подходил для продвижения по рекам. Он был слишком тяжелым и неуклюжим.

Нужно было строить принципиально другой драккар. На постройку нового корабля ушло почти три года. Мы повторили попытку, дошли до точки волока, но протаскать его по суше нам не удалось несмотря на заранее подготовленные специальные сани и бревна. Корабль плохо двигался по бревнам и был слишком жестким, что ли. Веревки не выдерживали напряжения и рвались. Вокруг нашей команды, безуспешно пытавшейся протаскать корабль, собралось много местного населения, и во время одного из перерывов на отдых я услышал разговор двух женщин, болтавших по-польски.

— Гляди, Груня, — говорила одна женщина другой, — странные эти датчане, хотят на одном корабле по морю, реке и суше идти, а корабль построили похожим скорее на свинью, хоть и змея на носу прибита.

— Точно, Марта, пока корабль не будет как змея, не дойти им до Днепра, — усмехнулась вторая.

И тут я понял свою ошибку: не только для устрашения викинги называли свои корабли драккарами, их суда действительно были построены гибкими и способными к трансформации, как змеи. Ведь только

змеи способны были плавать в море, реках и ползти по суше. Вторая попытка также закончилась неудачей, но я догадался, какой корабль необходимо создать для восточных походов. Третья наша попытка на принципиально ином драккаре завершилась удачей. Нашей команде удалось достигнуть Днепра в районе Орши и спуститься до Киева. Не буду вас утомлять техническими подробностями, скажу только, что мы сделали корабль гибким благодаря уникальной конструкции деревянных пластин, наложенных друг на друга подобно чешуе дракона, кстати, канаты также были сплетены вручную по тому же заимствованному у змей принципу. А называли мы наш новый корабль по настоянию моей матушки «Фрейя». И богиня принесла нам удачу!

— Ларс, а почему ваш первый маршрут на восток проходил именно по Западной Двине и Днепру, ведь, насколько мне известно, основные пути викингов из Балтики шли через Финский залив, Неву, Ладогу, Новгород, Волхов и далее по системе озер, рек и волоком до Черного или Каспийского морей, — поинтересовалась я.

— Вы правы, викинги были не только грабителями, но и непревзойденными путешественниками, колонизаторами, торговцами, и последние их качества наиболее проявились на Востоке. Считается, что дирхемы — серебряные монеты, что чеканили в арабском Аббасидском халифате и других мусульманских государствах, — появились вначале у славян, балтов и финнов в торговых поселениях типа Старой Ладоги на Ладожском озере и Гробини на Балтийском море, а оттуда уже попали в руки шведских торговцев. Возможно, эти пресловутые дирхемы и побудили викингов исследовать речную систему Восточной Европы в поисках места происхождения монет. Но это только одна из версий. Вспомним, что викинги считали себя детьми дракона. А что больше всего дракон любил на свете? — неожиданно задал мне вопрос Ларс.

— Золото, сокровища! — не задумываясь ответила ему я.

— Правильно, викинги в своих походах искали сокровища, о которых рассказывали легенды, пришлые торговцы и древние карты — пояса, оставшиеся от ведуний. Вспомним о том, что согласно одной из гипотез, Орша являлась одним из центров племенного объединения Арсании, о чем писали арабские путешественники в девятом веке, а значит, там должны были быть сокровища. Чем не мотив для совершения похода для таких любителей пограбить, как викинги? Хотя вы, конечно, правы, они не очень любили этот маршрут, ведь в устье Даугавы жили разбойники-ливы, нападавшие на их суда, везшие домой добычу и рабов. Я пошел со своей командой по этому маршруту по просьбе мамы, — отклонился от темы разговора

Ларс, слегка понизив голос, чтобы не потревожить послеобеденный отдых матери. — Видите ли, Софи, моя мама, сколько я ее помню, занималась германско-скандинавской мифологией и искусством викингов. Больше всего ее, как и вас, интересовали пояса, рушники и вышивки, особенно несущие в себе следы «гадючьего» орнамента.

КАРТИНКА 20.

Встреча с прошлым.

Маршрут: узор на спине гадюк — история жизни Марии — металлургический завод — остарбайтеры — Базыль — Мария и Базыль — она искала его всю свою жизнь — последняя просьба отца

Верно, сын, — раздался голос Марии, вынырнувшей из своих размышлений. — Каждой гадюке природа начертала на спине уникальный узор, однако характерный для особой определенной местности. Основываясь на этом утверждении серпентологов, я предположила, что по «гадючьим» орнаментам на камнях и украшениях викингов, дошедших до наших дней, можно определить, из какой местности они были родом. К сожалению, охранные пояса воительниц, ввиду недолговечности материала, не дошли до наших дней. Самые древние тканые пояса, начиная с тринадцатого века, сейчас находятся в Латышском национальном музее в Риге и в небольшом городке Лиелварде в музее Андрея Пумпурса. Так вот, на них есть различные «змеиные» орнаменты, сравнение которых с узорами на спинах гадюк дали мне возможность предположить, — из каких мест были пряжи, соткавшие эти пояса. Софья, прежде чем я дальше продолжу свой рассказ, покажите мне, пожалуйста, пояс, приведший вас в наш дом.

Я достала из сумочки пояс и протянула его Марии. Она очень осторожно взяла его, долго рассматривала, а потом поднесла к губам, поцеловала и прижала обеими руками к груди. Я невольно подалась вперед и уже открыла рот, чтобы задать вопрос, но Ларс крепко сжал мою руку. Из глаз Марии потекли слезы, она положила пояс на колени, салфеткой вытерла слезы и повернулась ко мне.

— Простите меня, Софья! Более шестидесяти лет я искала человека, на плече которого была татуировка с точно таким же рисунком, как на вашем поясе. Все наши друзья знают, что я изучаю и коллекционирую пояса и рушники со «змеиными» орнаментами, поэтому Агрис и порекомендовал вам зайти к Ларсу, когда вы будете в Копенгагене. Но мои друзья не знают, почему я это делаю. Когда вы зашли в наш дом и я увидела ваши глаза, мое сердце затрепетало и заби-

лось, как птица в клетке. Молитвы дошли до Фрей — вы дочь человека, которого я любила и искала всю свою жизнь. Не перебивайте меня, пожалуйста, мне очень трудно говорить, — сказала Мария и сделала несколько глотков воды.

— Я родилась во Франции. Мой дед и отец выращивали виноград сортов «гаме де ливерден» и «пино менье» и создавали из него ароматное, нежное вино кристально розового цвета. Наши виноградники тянулись вдоль реки Шьер, что близ французского города Седана впадала в реку Маас. Недалеко от нашей фермы находился город со сталелитейным заводом. С середины тридцатых годов прошлого века из Германии начали поступать большие заказы на сталь, и завод начал расти как на дрожжах. Рабочих не хватало. Началась война, Францию оккупировали немцы. Металлургическая группа бассейна Лонгви построила рядом с заводом несколько бараков для иностранных рабочих, окружив их колючей проволокой. Вначале иностранными рабочими были скандинавы, поляки, но со второй половины 1942 года появились восточные поляки, белорусы, украинцы и русские. Их называли остарбайтерами. В основном это были подростки в возрасте от 16 до 18 лет, — рассказывала Марии подрагивающим голосом, не переставая поглаживать пояс, лежащий на коленях. — Условия работы у них были ужасными. Они работали по 12 часов в сутки. Бежавших ловили собаками и подвешивали вниз головой. За оставление рабочего места полагался расстрел. На большие праздники: Пасху, Рождество, день рождения фюрера и владельца завода — близлежащим фермерам разрешалось привозить рабочим еду. Я была там несколько раз, помогала отцу и старшему брату. Какими же казались маленькими, грязными и изможденными эти мальчишки. После высадки американцев в Нормандии в июне 1944 года руководство завода предложило фермерам выкупить для сельскохозяйственных работ самых слабых и больных остарбайтеров. И мой отец обменял четыре ящика нашего мозельского вина на умирающего паренька. Его звали Базыль.

И тут уже начала плакать я. Я вытирала глаза салфеткой, а слезы лились и лились из моих глаз. Я наконец-то поняла, о ком сейчас будет рассказывать Мария.

— Это был очень худенький, постоянно кашляющий парнишка, которого мой отец на руках внес в дом. Мама и бабушка выходили его. И через четыре недели он начал уже выходить погреться на солнышке. Я смотрела на его белоснежные волосы, зеленые глаза с золотыми искорками и болтала без умолку по-польски. Ведь моя мама была полька. Базыль очень быстро учился французскому языку. И поскольку он был еще

слишком слаб для работы на виноградниках, то стал помогать мне переписывать деловые бумаги моего отца. Оказалось, что у него был потрясающе красивый почерк. Кроме того, он обладал природной склонностью к языкам и какой-то интуитивной грамотностью. Через пару месяцев мы очень подружились и полюбили друг друга. Это была моя первая и, теперь в свои девяносто лет могу точно сказать, самая большая любовь в жизни. Базыль окреп, много работал с отцом на виноградниках и помогал ему с бумагами. Война близилась к концу, мы любили друг друга и были счастливы так, как можно быть счастливыми только в юности. После победы мы решили пожениться, мои родители были не против. Базыль принял решение остаться во Франции со мною. И чтобы его никто не мог узнать, выжиг увеличительным стеклом татуировку, сделанную у него на правом плече. Он называл ее «гадючьей» и рассказывал, что ее ему сделала его старшая сестра Ольга. Мама достала свое свадебное платье и начала его перешивать для меня. Но в конце мая 1945 года вечером к нам на ферму зашли двое французских и двое американских солдат. Они арестовали Базыля и куда-то увезли на машине. На прощание он обнял меня и сказал: «Не волнуйся, жди, я обязательно вернусь!» Позже я узнала, что между американцами, французами и русскими было подписано на Ялтинской конференции какое-то секретное соглашение, по которому все жители, проживавшие до войны в зоне контролируемой русскими войсками, в том числе и находящиеся на территории Франции, должны были быть отправлены в пересыльные лагеря и переданы русским оккупационным властям. Больше Базыля я никогда не видела. Ведь я даже не могла послать о нем никакие запросы. Что я знала? Я знала его возраст и имя и то что родом он был откуда-то из восточных польских земель. Говорил на польском, немецком и французском языках. И еще у него были абсолютно седые волосы. Я ждала его каждый день в течение 7 лет, никуда не уезжая из родительского дома. Однажды наш рабочий убил гадюку и принес ее на ферму, и вот тогда-то я внимательно и близко изучила узор на ее спине. Навероятно, но узор на спине убитой гадюки напоминал татуировку Базыля. После этого случая я решила уехать в Париж и начать изучать орнаменты. Так я увлеклась германо-скандинавской мифологией и искусством викингов. Во время учебы в Сорбонне я встретила отца Ларса — настоящего дана, вышла за него замуж и переехала жить в Копенгаген. При изучении «змеиных» орнаментов меня не покидала надежда, что они помогут узнать мне о судьбе моего возлюбленного. И видите, не ошиблась, вы, Софи, пришли ко мне, чтобы узнать не только о поясе, но и о корнях своего рода, а

встретились с прошлым своего отца. Ведь Базыль ваш отец? Мое сердце не могло обмануться, — остановилась Мария и с надеждой посмотрела на меня.

— Мария, Базыль — мой отец. Так его имя звучит по-польски и так его звали в детстве. О том, что моего папу в семнадцать лет насильственно угнали на работу в Германию, я узнала лишь в начале девяностых. До этого никто в моей семье об этом не говорил. Во времена Советского Союза таких мальчишек и девчонок как мой папа, считали чуть ли не предателями родины. Многие из них погибли от голода и непосильного труда на военных заводах Третьего рейха, а те, что были репатриированы, обратно переселялись советскими властями в Сибирь и Казахстан. В 1992 году мой папа обратился ко мне с неожиданной для меня просьбой: «Отвези меня, доченька, во Францию, в город Сен-Мартен. Сейчас меня выпустят за рубеж, но силенок маловато, боюсь, один не доеду. Я должен туда обязательно вернуться, я обещал!» Я очень удивилась: почему вернуться? Я никогда не слышала, чтобы мой папа когда-либо был за границами Советского Союза. И тогда он мне рассказал, как во время войны эсэсовцы в оккупированной Белоруссии арестовывали практически всех подростков от 14 до 18 лет и отправляли в Германию на работу. Во время одной из таких облав мой папа вместе со своим младшим братом был арестован, их погрузили в эшелон. Под крышей вагона было маленькое окошко для воздуха, папе удалось посадить своего братишку, тот пролез через отверстие и выпрыгнул на ходу поезда, избежав фашистского плена. В середине войны папа попал на металлургический завод в восточной Франции, где очень сильно заболел. И тогда, поскольку работать в цеху он не мог, администрация завода продала его французскому фермеру.

Французская семья выходила его и относилась к нему как к родному сыну. Там он по-настоящему впервые полюбил дочку хозяина фермы. Папа сказал, что его возлюбленную звали Мария и что после окончания войны вы хотели пожениться, но его арестовали американцы и отправили в пересыльный лагерь для последующей депортации на родину. В лагере от высылки в Сибирь папу спас его каллиграфический почерк и знание нескольких языков. Он переписывал различные бумаги для администрации лагеря. Когда американцы закрыли лагерь, они помогли ему сесть на военный эшелон, следовавший на восток. Так папа добрался до Минска. Окончил медицинский институт, где встретился с моей мамой. Всю свою оставшуюся жизнь он проработал врачом в Белоруссии, — рассказывала я Марии и Ларсу о своем отце и видела, как глаза Марии становились все счастливее и счастливее.

Продолжение следует.